

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М20

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Художественное оформление — *Екатерина Фerez*

Малышева, Анна Витальевна.

М20 Дом у последнего фонаря: [роман] / Анна Малышева. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Задержи дыхание. Проза Анны Малышевой).

ISBN 978-5-17-148534-4

Она легко отличает настоящий шедевр от подделки. Она умеет возвращать к жизни старинные произведения искусства. И ей понадобится весь ее опыт реставратора, чтобы восстановить реальную картину преступления.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148534-4

© Малышева А.
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Сделав еще несколько шагов наугад, женщина остановилась. Она едва не подвернула ногу, ступив в выбоину на асфальте, и теперь не решалась двинуться дальше, пока глаза не привыкнут к темноте.

Только что отъехавшее такси еще маячило габаритными красными огнями, ныряя в ямы на разбитой и размытой дороге, ведущей от дачного поселка к городу. Александра держала в руке визитку, которую ей напоследок вручил водитель. Внезапно женщину посетило искушение вынуть из кармана телефон и тут же позвонить по номеру на визитке. Вернуть машину и немедленно уехать, пока не поздно.

«Но я не уеду. — Она провожала взглядом огни, горевшие особенно ярко на фоне черного ночного леса. — О нет, я использую этот шанс!»

Таксист, высаживая пассажирку на границе поселка, казавшегося необитаемым, несколько раз переспросил, не подождать ли ее? И так же настойчиво предлагал довести до самой дачи, хотя Александра нетвердо помнила дорогу, да и ориентиров в темноте не было видно. Она отвергла все его предложения, и водитель отправился обратно в Москву

АННА МАЛЫШЕВА

один. Как только свет фар полностью растворился в ночи, женщина пожалела о своем решении.

«Надо было искать дом вместе, хоть час, хоть два! Толку-то, что есть фонарик, у него давно сели батарейки! И лучше бы повременить с визитом до утра... Но ведь мне сказали ясно: “Приезжайте немедленно!” Лыгин недоверчив, как все коллекционеры, и чудаковат, как все одинокие люди... Если бы я приехала утром, он бы обиделся и попросту не отпер дверь. Ведь я так давно впустую расспрашивала его об этой тайной коллекции! Зная меня семь лет, и только с хорошей стороны, Лыгин все равно скрытничал. И вдруг решился, без всяких причин, ни с того ни с сего... Нет, я рискнула не зря. Осталось лишь найти дом!»

Александр довелось побывать на даче у своего давнего знакомого, любителя и собирателя редкостей, всего один раз. Но и это стало событием из ряда вон. Человек, который сейчас снова позвал ее в гости, слыл настоящим отшельником, и это был самый мягкий из отзывов о нем. Женщине приходилось слышать, как Лыгина называли маньяком и сумасшедшим, как упоминали несколько гнусных комбинаций, на которые он в свое время пошел ради пополнения своих знаменитых коллекций. Некогда Лыгин покинул Москву, без сожалений оставив квартиру, от пола до потолка набитую книгами и редкостями, к которым вдруг остыл. Насколько знала Александра, доступа в эту квартиру никто из его родни и знакомых не имел. Да и значили ли для него что-то слова «родные», «знакомые»? Удалившись в свой старый дачный дом, этот мизантроп почти полностью порвал связи с внешним миром. В шестьдесят пять лет, в том возрасте, когда люди начинают особенно ценить родственные и дружеские связи, Лыгин ни в ком не нуждался. Круглый год жил один, никого не зовя в гости.

Дом у последнего фонаря

Раз в месяц, как знала женщина с его собственных слов, коллекционер пешком отправлялся в ближайший городок. Прогулка составляла пять километров и отнимала у него два часа. Обрато он возвращался на такси, набитом покупками. Так Лыгин существовал уже семь лет, ровно столько, сколько с ним была знакома Александра.

Знакомство их состоялось несколько экстравагантным образом. Однажды утром в мансарде, где располагалась мастерская художницы, зазвонил телефон. Женщина едва откопала его из-под груды пыльных этюдов, привезенных прошлым летом с натуры. Она успела снять трубку в последний момент. Впоследствии Александра задавалась вопросом, перезвонил бы ей коллекционер, если бы она так и не подошла к телефону? И отвечала себе: «Нет!» Этот человек никогда не повторял ни просьб, ни предложений.

В трубке раздался незнакомый мужской голос. Художница было решила, что звонит какой-нибудь приятель ее недавно скончавшегося мужа. Бывшие собутыльники нет-нет да и навевались иногда в мастерскую по старой памяти. Ведь раньше это было его логово, Александре оно досталось по наследству. Но голос в трубке тут же ее разуверил:

— Нет, я не знакомый Ивана Корзухина. Что за идея? Мне нужна... — Последовала короткая пауза, звонивший явно сверялся с какой-то записью. — Александра Мордвинова.

— Корзухина-Мордвинова, — уточнила Александра. Тогда она еще не была знакома с этим человеком, иначе не рискнула бы его поправлять.

— Как вам угодно, — ответил незнакомец с язвительной вежливостью. — Мне рекомендовали вас. Сказали, что вы помогаете избавиться от старого хлама.

АННА МАЛЫШЕВА

— Я реставрирую картины, резьбу по дереву и берусь иногда за прикладное искусство, — с достоинством информировала художница собеседника. — Соответственно, перепродаю кое-что. Если ваш «хлам» такого рода, то буду рада посодействовать.

Послышался странный, скрежещущий смешок — будто точили ржавый нож.

— Мой хлам разного рода... самого разного. Взглянуть не желаете?

— Давайте назначим встречу. — Александра обернулась на часы. — Сейчас я должна появиться в Союзе художников, улаживаю кое-какие дела покойного мужа... В два часа меня ждет заказчик. Заберу у него картину на реставрацию и прямо к вам. Куда подъехать?

— Нет, я ждать не собираюсь, — строптиво заявил мужчина. — Приезжайте прямо сейчас или не утруждайте себя вовсе!

— Но...

— Так вы приедете? Да или нет, не отнимайте у меня время!

Александра не ожидала столкнуться с капризами клиента на такой ранней стадии общения и была готова отказать от встречи. «Что за тип? Почему он так со мной разговаривает? Я пока ничего ему не должна и ни в чем не провинилась!» Но что-то помешало ей свернуть разговор и положить трубку, вернуться к делам, которых, по совести говоря, было не так много. Заказчик, на которого сослалась женщина, не торопил с реставрацией, да и картина не представляла из себя ничего стоящего. В Союзе художников Александру тоже никто особенно не ждал. Она уже не раз наведывалась туда, пытаясь выбить законное пособие на похороны мужа, но возвращалась ни с чем. Оказалось,

Дом у последнего фонаря

муж последние годы не платил членские взносы и тем самым лишился прав на все выплаты... Александра уже не могла без тошноты видеть секретаря правления — грузную, вульгарно накрашенную даму с изумрудами в ушах и с лицом вокзальной бродяжки. Чиновница от искусства ждала элементарного подношения — бутылки коньяка и коробки конфет, но Александра упорно делала вид, что не понимает этого. Она считала, что Союз и так немного сделал для покойного художника и тот ничего никому не должен. Женщина бросила бы затею с пособием, но на тот момент осталась совершенно без денег. После смерти Ивана обнаружили долги, которые пришлось заплатить, потому что занимал муж у людей небогатых, таких же пропойц-художников, как он сам.

— Хорошо, — скрепя сердце выговорила она. — Я приеду сейчас. Куда?

— Недалеко от вас. Вы обитаете на Китай-городе, если меня правильно информировали? А я на Яузском бульваре.

— Так я пешком дойду! — обрадовалась Александра. — Скажите адрес и... Кажется, я еще вашего имени не знаю?

— И впрямь, я не представился! Лыгин, Дмитрий Юрьевич. Записывайте адрес. Поторопитесь. Я жду.

Повесив трубку, женщина бросилась искать куртку, как всегда, куда-то запропастившуюся. И вдруг засмеялась — впервые за последние три недели, прошедшие со дня похорон. «Что я так тороплюсь?! Этот тип командует мною, даже не соизволив познакомиться толком, а я и рада слушаться! Возьму да не пойду!» Но она понимала, что пойдет.

Дом, глядевший торцом на Яузский бульвар, вопреки ожиданиям Александры, оказался вовсе не особняком девятнадцатого века или эпохи модерн, а брежневской кирпичной девятиэтажкой. Желтая одноподъездная баш-

АННА МАЛЫШЕВА

ня, втиснутая в щель между старыми постройками, резала глаз, несмотря на то что была так же заgrimирована уличной копотью, как соседние здания. «Человек, которому в восьмидесятых годах дали тут квартиру, был шишкой, это очевидно!»

Лифт с обожженными кнопками доехал только до шестого этажа, и на девятый, где располагалась нужная квартира, пришлось идти пешком. На это художница первым делом и пожаловалась мужчине, отворившему ей дверь. Никаких извинений не последовало, Лыгин просто ответил:

— Знаю. Лифт давно сломан, и чинить его не собираются.

— Но я решила, что застряла на шестом, когда кабина вдруг остановилась и свет погас! Слава богу, дверь открылась... Вы меня не предупредили...

— Неужели должен был? — В голосе коллекционера звучала насмешка. Он оглядывал гостью критически, и Александра вдруг устыдилась своего вида — заношенной брезентовой куртки, испачканных краской джинсов, которые не удалось переодеть, растрепанных волос... Она затем и стриглась очень коротко, чтобы не возиться с прической, и считала, что выглядит неплохо, но под взглядом Лыгина вдруг ощутила себя ощиленным воробьем. А хозяин квартиры щеголял в брюках со стрелкой, в начищенных ботинках и кашемировом свитере. Черные волосы с сильной проседью, резкие черты лица, которого время словно побоялось коснуться, темные прищуренные глаза — все это делало его похожим на стареющего актера. Александре показалось даже, что она уже видела где-то это лицо, и женщина, не удержавшись, спросила:

— Мы не встречались?

Дом у последнего фонаря

— Не знаю, — пренебрежительно ответил Лыгин. — Я вас, во всяком случае, не припомню.

Александра разозлилась на себя за то, что задала этот вопрос, и твердо решила молчать, пока речь не зайдет напрямую о деле. «Что за нарцисс! — негодовала она, ступая в прихожую и далее, вслед за хозяином, проходя в комнату. — Что за самомнение! Ведь он не такой уж красавец, скорее, у него неприятное лицо...»

В следующий миг она забыла о своей досаде. Двадцатиметровая комната, куда попала женщина, была сплошь уставлена шкафами и горками, на полках которых теснились старинный фарфор, красный богемский хрусталь и шкатулки. Едва взглянув на них, Александра почувствовала сильное сердцебиение. Шкатулки являлись ее коньком и страстью. Три года назад она начала закупать для антикварных салонов именно этот вид предметов и, преуспев поначалу, была преисполнена самых радужных надежд. После у нее случались как удачи, так и горькие промахи, но со шкатулками неизбежно везло.

— Желаете их продать? — спросила женщина, остановившись у застекленного шкафа, заполненного исключительно шкатулками. — Я охотно возьмусь.

— Еще бы вы не взяли! — фыркнул хозяин у нее за спиной. — Эта коллекция вывезена из Германии после войны одним генералом, которому посчастливилось квартировать в доме барона Карла Варнбюлера фон унд цу Хемминген... Генерал продал мне все это добро в семьдесят третьем году, когда женил внука и решил подарить ему «Волгу».

И снова раздался скрежещущий смешок, который так неприятно подействовал на Александру, когда она разговаривала с коллекционером по телефону.

АННА МАЛЫШЕВА

— Генерал — болван, — язвительно заявил Лыгин. — Шкатулки стоили неизмеримо больше, а любитель не расстался бы с ними и за целый автопарк. Чего стоит вот эта! — Он указал на круглую фарфоровую бонбоньерку, расписанную фиалками и инкрустированную крохотными аметистами по окружности крышки. — Она принадлежала императрице Сисси. Бедняжка хранила в ней свои любимые конфеты, засахаренные фиалки. Только и радостей было в ее жизни, что эти лакомства. На дне — инициалы императрицы. Можете убедиться. Взгляните!

Лыгин открыл дверцу шкафа и, достав бонбоньерку, положил ее на трепещущую ладонь Александры.

— Изумительно... — прошептала она, разглядывая вещь. — Вы готовы с ней распрощаться?

— Я к ней охладел. Увы, людям свойственно менять пристрастия. Я собираюсь избавиться от всего, что можно продать. А что не продам, то обменяю.

— Я прямо сегодня поговорю с одной своей знакомой, у нее небольшой магазин в центре и множество связей, — взволнованно ответила Александра. — Но неужели вы продаете ВСЕ?

— Все, что вы видите. — Мужчина широким жестом обвел комнату. — Фарфор, хрусталь, шкатулки и табакерки. Игральные и гадальные карты восемнадцатого-девятнадцатого веков. Одна колода, по слухам, принадлежала самой Марии Ленорман, но я не стал бы настаивать на этой версии. В другой комнате пара сундуков с игрушками, пуговицами, позументами и вышивками. Словом, хлам.

Так завязалось самое странное знакомство в жизни Александры. Этим было сказано многое, ведь среди ее окружения встречалось мало заурядных людей. Художники, скульпторы, резчики по дереву, реставраторы, кол-

Дом у последнего фонаря

лекционеры и скупщики антиквариата — эта каста стала Александре родной со студенческих лет, и за ее пределы женщина выходила редко. В такой среде процент чудачков неизбежно выше обычного, но Лыгин выделялся даже из диковинного окружения. Александра назвала бы его страстным коллекционером... Но это была какая-то ледяная страсть. Лыгин становился безжалостным к вещам, к которым охладел, и расставался с ними, даже не гоняясь за большим барышом. Часть коллекции, которую художнице поручили распродать, ушла чуть не за бесценок только потому, что Лыгин торопил с продажей.

— Подождем! Через неделю я встречу с одним любителем из Питера, который заплатит вдвое больше, — отговаривала его Александра. — Мы потом пожалеем, что пороли горячку!

— Мы? — раздражался Лыгин. — Вы-то пожалеете, понятно, у вас комиссионные получатся меньше. А мне нужно только скорее продать.

Такая позиция была непонятна женщине. У нее не создалось впечатления, что хозяин коллекций остро нуждается в деньгах. Лыгин ни слова не сказал о том, что у него финансовые затруднения. Люди, продававшие с помощью Александры свои вещи, обычно откровенничали с ней. Скупщик антиквариата — во многом психолог. За три года, которые Александра занималась этим делом, она выслушала десятки исповедей и жалоб. Лыгин не рассказал ничего. Через год она знала о нем не больше, чем в первый день знакомства. Имя, адрес, номер телефона. Есть ли у него семья? Жена, любовница? Дети? Друзья? На пенсии ли он и какова была его основная профессия? Лыгин оставался для Александры загадкой, и загадкой неприятной.

АННА МАЛЫШЕВА

Несмотря на то что женщина недурно зарабатывала, пристраивая его коллекции к новым хозяевам и Лыгин ни разу не остался в претензии, что она продала вещи дешево или возилась долго, ее не радовала эта «золотая жила». Александра откровенничала с давней знакомой, владелицей антикварного магазинчика, практически своей крестной матерью в мире коллекционеров:

— Понимаешь, Альбина, он не то чтобы хамит мне, но умудряется всякий раз останавливаться в миллиметре от прямого оскорбления. Не понимаю, как у него это получается?

— Лыгин — странный тип. — Альбина прикуривала одну сигарету от другой и кивала пегим пучком волос, небрежно заколотым на затылке. — Я о нем слышала, но сама ни разу не встречалась. Он какой-то анахорет. Никто ничего о нем толком не знает. Сын военного, чуть ли не генерала. А может, и нет. И чем ты недовольна? Он дает зарабатывать — спасибо, и точка.

— Как с ним пообщаюсь, хочется топтать ногами и плевать в зеркало, в свое отражение за то, что молча слушала и ничего ему не ответила!

— Ну так плюй, но не теряй такого сказочного клиента, — советовала старшая подруга. — Поверь уж мне, старой ведьме, в нашем деле подобные сговорчивые продавцы встречаются реже, чем подлинные Айвазовские. Вообще-то, удивительно, что он пустил тебя в свое логово, позволил продавать все под корень и даже не пытается контролировать. Ему повезло. Если бы он нарвался на маклера без совести, его бы обчистили до нитки. Кстати, кто тебя ему рекомендовал?

Александр и сам занимал этот вопрос, но, когда она задала его Лыгину, тот небрежно ответил: «Я уж забыл».

Дом у последнего фонаря

Вероятно, коллекционер лгал. Рекомендация, которой он слепо последовал, должна была исходить от очень близкого друга. Иначе почему он вдруг доверился незнакомке?

А доверие было так велико, что женщина не во всем решалась признаться даже Альбине. Сразу после того, как Александра продала первые вещи и принесла деньги на квартиру, Лыгин ее ошеломил:

— Продолжайте дальше в том же духе, пока не расчистите весь хлам. А я уезжаю на дачу. Ключ вам оставляю. Слишком хлопотно всякий раз встречаться, чтобы передать вещи. За деньгами буду наезжать по мере... мм... надобности.

— Вы хотите оставить мне ключ от этой квартиры?! — Александра испугалась, услышав и осознав это. — Но здесь коллекции... А вы меня совсем еще не знаете...

— Если не возьмете ключ, нам придется расстаться, — перебил Лыгин. — Не думаете же вы, что я собираюсь таскаться в город всякий раз, когда вам понадобится взять отсюда табакерку?!

И Александра приняла ключ, почти не веря в то, что это происходит с ней. Лыгин взглянул в ее искаженное лицо и вдруг заявил:

— Что-то вы слишком волнуетесь. Или задумали меня ограбить?

Александра не успела протянуть ему ключ обратно, как он разразился своим скрежещущим смехом:

— Я пошутил, пошутил! Уж кто меня грабит, так это я сам. Думаете, я не понимаю, что мог бы выручить за коллекции несравненно больше? Но время работает против меня. Продавайте все, и продавайте быстро. Больше я ничего не требую.

АННА МАЛЫШЕВА

И с той поры художница беспрепятственно входила в квартиру на Яузском бульваре. Когда заблагорассудится, выносила вещи, каждый раз чувствуя себя едва ли не воровкой. Изредка хозяин наведывался в Москву и забирал вырученные деньги. Шкафы и полки постепенно пустели. Лыгин обводил их отсутствующим взглядом, а женщина вновь поражалась тому, насколько он непохож на остальных знакомых ей коллекционеров.

— Пойми, — говорила она Альбине, — человек может охладеть к статуэткам и начать коллекционировать, скажем, самовары. Но ему не будет все равно, кому продана коллекция статуэток, да еще продана за полцены, наспех, только бы сбыть с рук! Никогда не будет все равно. Точно так же тебе никогда не станет безразличным мужчина, с которым ты была близка и вдруг порвала отношения. Или уж надо быть совсем бревном!

— Немного же ты знала мужчин, — смеялась приятельница. — Мне шестьдесят, я чуть не вдвое тебя старше, а во сколько раз умнее, уточнять не буду, ты обидчива. Поверь мне на слово — можно охладеть навсегда и к мужчине, и к коллекции. Но только в том случае, если их место займет другое увлечение, более сильное.

— Я уже не верю, чтобы Лыгин мог искренне увлекаться!

— А я верю, — прищурилась антикварша. — Думаешь, куда он тратит деньги? Зачем распродает все за бесценок? Он, с твоих слов, примерно мой ровесник. Для женщины этот возраст — первый луч заката, выражаясь романтическим слогом. Для мужчины — повод порезвиться напоследок. У него кто-то есть там, за городом. Напросись в гости на дачу и убедись! Сразу поймешь, живет он с женщиной или один.

Дом у последнего фонаря

Александра, разумеется, в гости не напрашивалась и с переменным успехом продолжала расправляться с накопленными в квартире залежами. Наконец, два года назад, она продала мебель, от которой Лыгин также попросил избавиться. Двухсотлетние резные шкафы и комоды из груши и ореха, старинные деревенские сундуки, покрытые наивной росписью, шаткие бамбуковые этажерки эпохи модерн — все было распродано в считанные дни, так как хозяин велел не торговаться и отдавать за первую названную цену. У художницы сердце кровью обливалось, когда она пересчитывала деньги, отправив последние грузовые машины покупателю. До вечера Александра слонялась по пустой квартире, слушая эхо, сопровождавшее каждый ее шаг. Женщину не покидало ощущение, будто она только что кого-то похоронила.

Лыгин явился в десятом часу, как и было условлено. Александра отдала ему деньги и протянула ключ.

— Мм... в самом деле, — пробормотал коллекционер, опуская ключ в карман пиджака. — Зачем он вам теперь?

— Извините, я уж на прощание скажу то, что давно хотела, — не выдержала женщина. — Незачем было нанимать специалиста, чтобы избавиться от ценных вещей по таким бросовым ценам. Вы могли бы просто дать объявление в газету и продать все «стервятникам». Я провозилась пять лет, потому что пыталась еще бороться. Искала какие-то компромиссы, хотя и не говорила вам об этом. Маклеры бы вас обчистили за пять недель. И вы этого заслуживаете!

Впервые Лыгин посмотрел на Александру с интересом. Собственно, он вообще впервые задержал на ней взгляд дольше двух секунд.

— Вы что, обиделись? — с сомнением проговорил коллекционер.

АННА МАЛЫШЕВА

— Меня эта ситуация унижает. Мне даже похвалиться нечем: вот, мол, как удачно распродала ценнейшие коллекции! Мне стыдно, попросту стыдно. Я знаю, что не виновата, но все равно ругаю себя. Пошла у вас на поводу! Могла ведь отказаться!

Лыгин вдруг часто заморгал, словно ему что-то попало в глаз.

— Но нет, не могла... — вздохнула Александра, решив высказаться до конца. — Я привыкла сюда приходить. Мне нравилось тут рыться, выбирать вещи, сортировать их, дышать здешней пылью... Антиквары вообще отчасти крысы.

— Абсолютно с вами согласен! — В голосе мужчины прозвучало удивление. — Крысы и есть! И, как крысы, они не любят света, шума и чистоты.

Он впервые говорил с Александрой на отвлеченную тему, и женщина с трудом в это верила. «А может быть, я сама виновата в том, что у нас практиковалось чисто формальное общение? Ведь я никогда даже не пыталась его разговорить!»

А Лыгин между тем разглагольствовал, прохаживаясь по опустевшим комнатам, то и дело отбрасывая носком ботинка попадавшие на пути куски картона и упаковочной бумаги:

— Собственно, собирательство вообще дело темное. Ценности в нем относительны... И часто отрицают сами себя. Скажем, клочок бельевого полотна, сотканного во Франции накануне Великой революции, сам по себе ничего не стоит. Но если на этом куске сохранились следы крови, если это край простыни из ванны, где Шарлотта Корде зарезала Марата, его цена может сравниться со стоимостью эскиза Делакруа или Энгра. Не глупость ли это? Кусок грязной заскорузлой тряпки...